

Глава 5. ДЕВИАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ

Жизнь людей протекает в общении друг с другом, поэтому им необходимо объединять и координировать свои действия. Любую потребность – в пище, одежде, сексе, работе, образовании, дружбе, славе – человек может удовлетворить лишь через других людей путем взаимодействия с ними, занимая определенное положение в сложных и организованных группах и институтах – в семье, школе, коллективе предприятия, политических партиях, спортивной команде. Несомненно, мир существует исключительно потому, что действия огромного числа людей согласуются, однако для этого им необходимо понимать, кто, что и когда предположительно должен делать. Первым условием организованной социальной жизни является наличие между людьми неких соглашений, которые принимают форму социальных ожиданий, выражаемых в нормах. Без норм, обуславливающих поведение, взаимодействия в социальной группе были бы невозможны. Мы бы лишились ориентиров, подсказывающих, что допустимо, а что выходит за рамки допустимого. Взаимодействие между людьми превратилось бы в настоящую проблему, потому что мы бы не знали, чего можно ожидать от других людей. С нормами принято связывать вознаграждение и наказание. В современном обществе государство выполняет роль механизма реализации большого количества норм – законов. Законы далеко не нейтральны: они, как правило, отражают интересы определенной группы и воплощают ее основные ценности. Далее детально рассматривается проблема девиации (отклонения от норм).

§ 5.1. ПРИРОДА ДЕВИАЦИИ

Социальные характеристики девиации

Во всех обществах поведение человека порой выходит за рамки, допустимые нормами. Нормы только указывают, что человек должен делать, а что не должен; но они не являются отражением фактического поведения. Реальные поступки некоторых людей нередко выходят за рамки того, что другие рассматривают как допустимое поведение. Для социальной жизни характерен не только конформизм, но и отклонение. *Девиация – это отклонение от нормы, рассматриваемое большей частью членов общества как предосудительное и недопустимое.* Обычно мы оцениваем поведение как девиантное в зависимости от того, получает ли оно отрицательную оценку и вызывает враждебную реакцию.

О девиации нельзя сказать, что она внутренне присуща определенным формам поведения; скорее это оценочное определение, налагаемое на конкретные модели поведения различными социальными группами. В повседневной жизни человек составляет суждения о желательности (или нежелательности) того или иного стиля поведения; общество переводит такие суждения в положительные (или отрицательные) последствия для тех, кто следует (или не следует) подобным моделям поведения. В этом смысле можно сказать, что *девиация есть то, что общество считает отклонением.* Попытаемся прояснить эту идею на основе рассмотрения ряда важных характеристик девиации.

Относительность девиации. Сравнение разных культур показывает, что одни и те же действия одобряемы в одних обществах и недопустимы в других. Определение поведения как девиантного зависит от времени, места и группы людей. Приведем примеры.

Если обычные люди взламывают склепы, их клеймят как осквернителей праха, но если это делают археологи, то о них говорят с одобрением, как об ученых, раздвигающих границы познания. Тем не менее в обоих случаях в места погребения вторгаются посторонние и выносят оттуда какие-то предметы. Сторонники вероучения Бахай в западных странах имеют полную свободу вероисповедания, но в Иране режим Аятоллы Хомейни бросил в тюрьмы и без суда казнил тысячи бахаистов. Бахаисты выступают за равенство полов, всеобщее образование, уничтожение межгрупповых предрассудков и за единое мировое правительство, но мусульманское духовенство в Иране считает эти взгляды еретическими. Также коммуникабельное поведение, современная одежда и “открытое” лицо европейской женщины недопустимы во многих традиционных мусульманских странах.

Эти примеры свидетельствуют о том, что отклонения не могут быть внутренне присущи поведению людей. Общество решает, считать или не считать какое-то поведение отклоняющимся от нормы. Это не означает, что такие явления, как убийство, воровство, половые извращения, психические отклонения, алкоголизм, азартные игры и жестокое обращение с детьми и т.п., могли бы не иметь места, если бы им не были даны социальные определения. Скорее, решающее значение имеет то, как люди определяют поведение и каким конкретным образом реагируют на него.

Механизм закрепления определений. Люди по-разному определяют, что следует, а что не следует считать отклонением от нормы. Поэтому возникает вопрос, какие индивиды и социальные группы смогут придать своим определениям превалирующее значение.

Например, в 1776 г. британцы заклеили Джорджа Вашингтона как предателя; через 20 лет он стал президентом Соединенных Штатов Америки и “отцом – основателем своей страны”. В 1940-е гг. британские власти в Палестине называли Менахема Бегина сионистским террористом (он возглавлял подпольную военную организацию, которая очень искусно вынудила правительство Великобритании отказаться от своего мандата на Палестину). Тридцать лет спустя Бегин возглавил государство Израиль и пользовался большой популярностью. Но если бы Америка и Израиль проиграли свои войны за независимость, вполне вероятно, что и Вашингтон, и Бегин были бы казнены или по меньшей мере получили длительные сроки тюремного заключения.

Кто и что определяется как нарушитель и отклонение от нормы, в значительной степени зависит от того, кто дал это определение и в чьих руках сосредоточена власть, позволяющая его закрепить. За последние годы такие стили поведения, как гомосексуализм, алкоголизм, употребление наркотиков, традиционно считавшиеся в России девиантными, определявшиеся в терминах уголовного кодекса, были подвергнуты пересмотру. Все большее распространение получает мнение, что подобные стили поведения являются медицинскими проблемами, т.е. считаются болезнями наряду с физическими заболеваниями типа язвы, диабета, гипертонии. Страдающих от этих нарушений людей (алкоголиков, наркоманов) помещают в лечебные учреждения, где их называют пациентами и где они получают лечение по назначениям врачей.

Некоторые социальные группы (гомосексуалисты, лесбиянки, инвалиды и матери-одиночки, живущие на социальное пособие, и т.п.) выходят на политическую арену и с успехом противостоят официальным определениям, представляющим их как источник социальных проблем. Действительно, индивиды, носящие социальное “клеймо” или ставшие жертвами доминирующих социальных дефиниций, имеют собственный взгляд на свои жизненные ситуации, отличный от взгляда тех, кто проводит в жизнь нормы, отражающие именно их моральные принципы. Стоит вспомнить о том, что в XIV-XVII вв.

в Европе было казнено примерно от 200 до 500 тыс. людей (85% из них женщины) по обвинению в служении дьяволу.

Зона допустимых вариаций. Нормы могут быть представлены не в виде фиксированной точки или прямой линии, а скорее как некоторая зона. Даже у достаточно специфичных и строго контролируемых норм есть зона допустимых вариаций, не говоря о практике, где нормы имеют целый диапазон допустимых стилей поведения, которые тем не менее могут не отклоняться от буквы закона. Приведем пример.

Считается, что университетскому профессору положено держаться со студентами официально. Но один профессор крупного университета имеет обыкновение во время лекции взбираться с ногами на кафедру или усаживаться на ее крышку. Несомненно, в русской культуре не принято считать кафедру подходящим местом для сидения. Поэтому неудивительно, что большинство студентов на первой лекции профессора встречают его чудачества хихиканьем. Однако профессор, обладая талантом общения и являясь признанным авторитетом в своей области, вскоре завоевывает аудиторию. Оценивая курс лекций, который читает профессор, студенты обычно говорят, что сначала их ошеломили его непринужденные манеры, но вскоре они обнаружили, что стиль его поведения составляет часть эффективной методики преподавания.

Следовательно, норма обычно предполагает некий вариант поведения, новый или отличающийся от нормативного поведения, но не выходящий за рамки допустимого.

В общем, ни один стиль поведения не является отклонением сам по себе; *отклонение есть предмет социальных определений*. Одно и то же поведение может рассматриваться одной группой как отклонение, а другой – как норма. Более того, многое зависит от социального контекста, в котором наблюдается такое поведение.

Например, появление в нетрезвом виде на работе вызывает недовольство окружающих, однако на новогодней вечеринке именно такое поведение ее участников вполне естественно. Добрачные сексуальные отношения и разводы, всего одно поколение назад вызывавшие сильное осуждение в обществе, сейчас в целом считаются нормой.

Социальный контроль

Для того чтобы в мире все шло своим чередом, люди должны следовать правилам. Социальный порядок требует соблюдения общих норм, по крайней мере, от большинства людей. Без существования социального порядка взаимодействие людей превратилось бы в настоящую проблему, а их ожидания утратили бы смысл. Общество стремится гарантировать соответствие действий своих членов базовым социальным нормам с помощью *социального контроля – методов и стратегий, определяющих поведение людей в рамках общества*. Функционалисты и конфликтологи по-разному оценивают роль социального контроля. Функционалисты рассматривают социальный контроль (в первую очередь выражающийся в юридических актах) как неизбежное требование, без выполнения которого выживание общества невозможно. Если население откажется следовать общественным стандартам поведения, это повлечет за собой неправильное функционирование и разлад институциональных систем. По этой причине функционалисты считают хаос альтернативой эффективного социального контроля. Сторонники теории конфликта утверждают, что социальный контроль осуществляется в интересах наделенных властью социальных групп в ущерб всем прочим группам в обществе, причем никакие социальные структуры не могут быть нейтральными. Эти

социологи видят свою задачу в выявлении и идентификации механизмов, позволяющих институциональным структурам несправедливо распределять блага и обязанности социальной жизни, используя для самосохранения методы и инструменты социального контроля.

В социальной жизни действуют три основных типа процессов социального контроля: 1) процессы, побуждающие индивидов к интернализации нормативных ожиданий своего общества; 2) процессы, организующие социальный опыт индивидов; 3) процессы, применяющие различные формальные и неформальные социальные санкции.

Члены общества непрерывно проходят процесс социализации (см. гл. 3), посредством которого они усваивают те системы мышления, чувств и поведения, которые характерны для культуры их общества. В детском возрасте соответствие ожиданиям других людей прежде всего является продуктом внешних процессов контроля. По мере взросления поведение человека начинает все более и более управляться *внутренними* регуляторами; последние выполняют много функций из числа тех, которые раньше (в детстве) выполнялись внешними механизмами контроля. Так происходит процесс *интернализации*: *индивиды инкорпорируют в свою личность стандарты поведения, доминирующие в обществе*. Эти стандарты человек часто принимает без размышлений и вопросов – как свою “вторую натуру”. По мере того как человек “погружается” в жизнь группы, он вырабатывает представление о себе, регулирующее его поведение в соответствии с групповыми нормами. Делая то, что делают члены группы, он обретает собственную идентичность и ощущение благополучия. Группа становится своей группой, а ее нормы – своими нормами, Таким образом социальный контроль превращается в самоконтроль.

Социальные институты также формируют индивидуальный опыт. Как правило, человек бессознательно выстраивает собственное представление о реальности под воздействием социальных проблем и альтернатив в том виде, в каком они сформулированы обществом. Можно сказать, что человек живет в несколько ограниченном мире, в той степени, в какой он оказывается замкнутым в рамках социального окружения, обусловленного культурой. Ему обычно не приходит в голову возможность существования альтернативных стандартов. Человек ограничен рамками культуры своего общества и не может следовать нонконформистским моделям поведения, поскольку общество не знает альтернатив.

И наконец, человек следует нормам своего общества, так как знает, что в противном случае его ожидает наказание. К людям, нарушающим правила, окружающие относятся недоброжелательно, враждебно, о них злословят, их подвергают остракизму. Последствиями отступления от норм могут стать тюремное заключение и даже смерть. Конформист же получает одобрение, популярность, престиж и прочие социально определяемые вознаграждения. Люди весьма быстро осознают невыгодность нонконформизма и преимущества конформизма.

Социальные эффекты девиации

Не всякое поведение, включая и девиантное, имеет цель. Большинство рассматривает девиантное поведение как “плохое”, как поведение, представляющее собой источник “социальных проблем”. Такие оценки распространены в результате тех негативных или разрушительных последствий, которые влечет за собой большинство отклонений от нормы. Однако девиации могут иметь также положительные или интеграционные последствия для социальной жизни. Социологи Льюис Козер, Альберт Коэн и Эдвард Сагарин внесли весомый вклад в понимание этого феномена.

Дисфункции девиации. Несомненно, большинство обществ способно ассимилировать немалое число отклонений от нормы без серьезных последствий для себя, однако постоянные и широко распространенные девиации могут нарушить организованную жизнь общества или даже подорвать ее. Социальная организация общества складывается из скоординированных действий множества людей. Если некоторые индивиды не в состоянии выполнять свои действия в надлежащее время и в соответствии с общественными ожиданиями, институциональной жизни может быть нанесен весомый урон. Приведем примеры.

Когда один из родителей уходит из семьи, такой поступок обычно усложняет задачу обеспечения и воспитания ребенка. Когда в ходе сражения боевой расчет перестает выполнять приказы командира и бежит с поля боя, это может повлечь за собой поражение целой армии.

Девиация также подрывает готовность члена общества выполнять свои социальные роли и вносить вклад в функционирование социальной системы. Если некоторые индивиды получают вознаграждения, причем несоразмерные, “играя” не по правилам (это относится к так называемым бездельникам, симулянтам, пройдохам, подхалимам и паразитам и т.п.), у других возникает чувство обиды и горечи. При этом страдают мораль, самодисциплина и верность долгу. Общественная жизнь диктует необходимость доверять друг другу. Человек должен иметь уверенность в том, что другие тоже живут по принятым нормам. Принимая на себя обязательства перед коллективом, член общества вкладывает определенные средства, отказывается от каких-то альтернатив и питает некие надежды на будущее, ожидает от других людей таких же поступков. Но если эти другие не оправдывают доверия, человек ощущает, что его усилия бессмысленны, напрасны и наивны, и уже не так стремится “играть по правилам”.

Функции девиации. Девиантное поведение может также способствовать эффективному функционированию общества. Во-первых, девиации способны усиливать подчинение нормам. Социолог Э. Сагарин отмечает:

“Один из наиболее эффективных методов, обеспечивающих следование большинства людей нормам, состоит в том, чтобы объявить некоторых людей нарушителями нормы. Это позволяет держать остальных в подчинении и одновременно в страхе оказаться на месте нарушителей... Выказывая враждебное отношение к недостаточно хорошим и правильным людям, большинство или облеченная властью группа людей может укрепить идею о том, что хорошо и правильно, и таким образом создать общество индивидов, которое будет более послушным и лояльным к их идеологии и правилам поведения”.

Во-вторых, нормы не выражаются в твердых правилах или водах законов (см. гл. 2). Согласно положению Э. Дюркгейма, всякий раз, когда члены группы осуждают некий акт как отступление от нормы, они ярче очерчивают контуры того, что считается нормой. Их негативная реакция недвусмысленно указывает, какое поведение неприемлемо для “коллективного сознания”. Американский социолог Кай Т. Эриксон отмечает, что одной из примечательных черт, свойственных органам контроля, является реклама их деятельности. Когда-то нарушителей правопорядка наказывали на рыночной площади на виду у толпы народа. Сейчас те же результаты достигаются с помощью средств массовой информации, широко освещающих криминальные процессы и приговоры суда:

“Почему подобные отчеты считаются достойными отражения в печати и почему они вызывают повышенный интерес у публики? Возможно... они удовлетворяют некую психологическую извращенность, характерную для массовой аудитории, но одновременно

они составляют главный источник информации о границах допустимого в нашем обществе. Это те уроки, с помощью которых мы учим друг друга тому, что значат нормы и насколько далеко они простираются. В переносном смысле на всеобщее обозрение выставляется столкновение между моралью и беспринципностью, и общество указывает, где следует проводить грань между ними... [Нарушитель] как бы предупреждает нас о том, что такое зло, какие личины может принимать дьявол. Тем самым он дает нам почувствовать разницу между опытом, допустимым групповыми рамками, и опытом, выходящим за эти рамки”(К. Эриксон).

В-третьих, привлекая внимание к нарушителям норм, группа может укрепить самое себя. Общий враг вызывает общие чувства и усиливает групповую солидарность. При этом возникающие эмоции разжигают страсти и укрепляют связи между людьми “нашего типа”. Трения и антагонизмы между внутренними и внешними группами помогают подчеркнуть границы между группами и групповую принадлежность (см. гл. 4). Точно так же кампании против ведьм, предателей, извращенцев, преступников консолидируют социальные связи между “хорошими людьми”. К примеру, Эриксон показал, что члены пуританской общины, почувствовав угрозу своей безопасности, намеренно инициировали “волны преступлений” и истерию “охоты на ведьм”, чтобы отвести беду от своей общины и заново очертить групповые границы.

В-четвертых, девиация является катализатором социальных изменений. Каждое нарушение правила служит предостережением, что социальная система функционирует неправильно. Конечно, политическая элита не может рассматривать высокий уровень грабежей как сигнал того, что грабежи следует легализовать, а общественные блага перераспределить. Однако этот факт говорит о том, что в обществе множество неудовлетворенных людей, что институты социализации молодежи не справляются со своей задачей, что соотношение социальных сил находится под вопросом, а моральные принципы общества нуждаются в пересмотре. Таким образом, девиация зачастую служит толчком для признания необходимости внесения изменений в социальную систему. Можно сказать, что это призыв к пересмотру старых норм и одновременно новая модель.

Например: Мартин Лютер Кинг-младший и его сторонники стремились привлечь внимание к недемократическому характеру сегрегационных законов южных штатов США путем массового неповиновения этим законам; движение за гражданские права чернокожих американцев привело к тому, что эти законы были пересмотрены.

§ 5.2. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ДЕВИАЦИИ

Изучение девиантного поведения

Почему люди нарушают общественные нормы? Почему определенные действия характеризуются как девиантные? Почему поведение одних индивидов называют девиантным, когда они совершают по существу те же действия, что и другие индивиды, которым удается избежать наказания, а иногда даже добиться признания? И почему число отклонений от нормы изменяется от группы к группе и от общества к обществу? Именно этими вопросами интересуются социологи.

Другие науки также занимаются проблемой девиантного поведения, в частности, биология и психология. Но биологов и психологов интересуют несколько иные вопросы: они уделяют основное внимание акторам, отступающим от нормы, и пытаются определить, в чем состоит их “неправильность” или, по крайней мере, отличие от других.

Они стремятся объяснить нарушение правил с точки зрения самих индивидов и их уникальных характеристик.

Нас прежде всего интересуют *социологические объяснения причин девиации*. Это не означает игнорирования или недооценки вклада других наук. Проблема должна изучаться с разных сторон. Например, и биология, и психология внесли весомый вклад в наше понимание такого нарушения, как шизофрения – серьезная форма душевного заболевания, для которой характерны галлюцинации, дезорганизованное и нелогичное мышление, неадекватные эмоциональные реакции, деградация личности, странности в поведении и постепенный уход от реальности. Биологи и психологи доказали, что наследственные факторы вызывают предрасположенность индивидов к некоторым формам шизофрении. Наследственный компонент, возможно, обуславливается генами, отвечающими за протеины, которые регулируют деятельность мозга, особенно за нейротрансмиттеры (химические вещества, выделяемые нервными клетками и определяющие уровни, необходимые для возбуждения прочих нервных клеток). Однако понимание биологических и психологических факторов, задействованных в развитии шизофрении, не дает полной картины этого явления. Следует учитывать и социальные факторы.

Например, в Озарских горах (США) жил один человек. Однажды ему явилось видение – с ним говорил сам Господь. После этого человек стал проповедовать слово Божие своим родным и соседям, и вскоре вся община пришла в состояние религиозного экстаза. Об этом человеке говорили: “Он услышал призыв”. Его репутация как пророка и целителя росла. Однако, когда новоявленный “пророк” попытался организовать молитвенное собрание в Сент-Луисе, перекрыв при этом движение транспорта на оживленной городской магистрали в час пик, его арестовали. Человек рассказывает в полицейском участке о своих беседах с Богом, а полиция доставляет его в сумасшедший дом, где психиатры ставят “пророку” диагноз “шизофрения” и госпитализируют.

Итак, мы еще раз убедились в том, что отклонение от нормы не является свойством, внутренне присущим человеческому поведению, но свойством, обусловленным социальными определениями. Рассмотрим четыре наиболее распространенных социологических подхода к проблеме девиации: теорию аномии, теорию культурного переноса, теорию конфликта и теорию стигматизации.

Теория аномии

Э. Дюркгейм утверждал, что девиация играет функциональную роль в обществе, поскольку девиация и наказание девианта способствуют осознанию границ того, что считается допустимым поведением, и выполняют роль факторов, побуждающих людей подтвердить свою приверженность моральному порядку общества. Дюркгейму принадлежит идея *аномии* – *общественного состояния, которое характеризуется разложением системы ценностей, обусловленным кризисом всего общества, его социальных институтов, противоречием между провозглашенными целями и невозможностью их реализации для большинства*. Люди обнаруживают, что им трудно координировать свое поведение в соответствии с нормами, которые в данный момент становятся слабыми, неясными или противоречивыми. В периоды быстрых общественных перемен люди перестают понимать, чего ждет от них общество, и испытывают трудности в согласовании своих поступков с действующими нормами. “Старые нормы” уже не представляются подходящими, а новые, зарождающиеся нормы еще слишком туманны и нечетко сформулированы, чтобы служить эффективными и значимыми ориентирами в

поведении. В такие периоды можно ожидать резкого возрастания количества случаев девиации.

Американский социолог Роберт Мертон попытался применить дюркгеймовские понятия аномии и социальной солидарности, анализируя социальную действительность США. Для большинства американцев жизненный успех, особенно выраженный в материальных благах, превратился в культурно признанную цель. При этом только определенные факторы, например, хорошее образование и высокооплачиваемая работа, получили одобрение в качестве средств к достижению успеха. Никакой проблемы не было бы, если бы все американские граждане имели одинаковый доступ к средствам достижения материального успеха в жизни. Но беднякам и представителям национальных меньшинств часто доступны лишь более низкие уровни образования и скудные экономические ресурсы. Если же они интернализировали цели, заключающиеся в материальном успехе (а это относится не ко всем индивидам), сильные ограничения могут толкнуть их к нонконформизму и совершению нетрадиционных поступков, так как они не в состоянии достичь общепризнанных целей законными средствами. Они пытаются добиться престижной цели любыми средствами, включая порочные и преступные.

Современные профессиональные преступники, члены организованной мафии, наркодельцы имеют много общего с Аль-Капоне, печально известным контрабандистом и грабителем 1920-х – начала 1930-х гг., который заявлял:

“Мои аферы строго следуют американским правилам, и я намерен продолжать в том же духе... Эта наша американская система... предоставляет всем и каждому из нас великий шанс, надо только ухватить его обеими руками и выжать из него все возможное”.

Однако “отсутствия возможностей” и стремления к материальному благополучию недостаточно для создания давления в сторону девиации. Общество с жесткой классовой или кастовой структурой может не давать всем своим членам равных шансов выдвинуться, но в то же время восхвалять богатство; так было в феодальных обществах средневековья. Только тогда, когда общество провозглашает общие символы успеха для всего населения, ограничивая при этом доступ множества людей к признанным средствам достижения таких символов, создаются условия для антиобщественного поведения. Мертон выделил пять реакций на дилемму цели – средства, четыре из которых представляют собой девиантные адаптации к условиям аномии (см. табл. 5.1).

Таблица 5.1. Мертоновская типология индивидуальной адаптации к аномии

Тип адаптации	Культурные цели	Институционализированные средства
Конформизм	+	+
Инновация	+	
Ритуализм	-	+
Регрессивизм	-	-
Бунт	±	+

Примечания: + принятие;

- отрицание;

± отрицание существующей системы ценностей и замена ее новой системой.

Конформизм имеет место, когда члены общества принимают как культурные цели достижение материального успеха, а также утвержденные обществом средства для их достижения. Подобное поведение составляет опору стабильного общества.

Инновация наблюдается, когда индивиды твердо придерживаются культурно установленных целей, но отвергают одобренные обществом средства их достижения. Такие люди способны торговать наркотиками, подделывать чеки, мошенничать, присваивать чужое имущество, воровать, участвовать в кражах со взломом и в разбойных ограблениях или заниматься проституцией, вымогательством и покупать символы успеха.

Ритуализм имеет место, когда члены общества отвергают культурные цели или принижают их значимость, но при этом механически используют одобренные обществом средства для достижения таких целей. Например, цели организации перестают быть важными для многих ревностных бюрократов, однако они культивируют средства в качестве самоцели, фетишизируют правила и бумажную волокиту (см. гл. 4).

Ретритизм состоит в том, что индивиды отвергают и культурные цели, и признанные средства их достижения, ничего не предлагая взамен. Например, алкоголики, наркоманы, бродяги и опустившиеся люди становятся изгоями в собственном обществе; “они живут в обществе, но не принадлежат к нему”.

Бунт состоит в том, что бунтари отвергают культурные цели общества и средства их достижения, но при этом заменяют их новыми нормами. Такие индивиды порывают со своим социальным окружением и включаются в новые группы с новыми идеологиями, например радикальные общественные движения.

Типы индивидуальной адаптации Мертсона характеризуют ролевое поведение, а не типы личности. Человек может менять мнение и переходить от одного типа адаптации к другому.

Использование теории аномии. Некоторые социологи применили теорию аномии при изучении проблемы подростковой преступности. Так, А. Коэн предположил следующее: мальчиков, принадлежащих к низшим слоям общества, влечет к бандитским группировкам тот факт, что их постоянно оценивают по меркам среднего класса и они обнаруживают, что проигрывают в своей школьной среде, где ценятся хорошее владение речью, опрятный внешний вид и способность заслуживать похвалы. В ответ на эти требования мальчики “сбиваются” в подростковые группировки, где в почете “крутые”, “наглые парни”, “нарушители спокойствия”, – стандарты, позволяющие подросткам из низших классов достигать успеха. Согласно исследованиям Делберта С. Эллиота, юные хулиганы, бросившие школу, реже совершают правонарушения, чем те, которые продолжают ее посещать. Очевидно, уход из ненавистной школы представляет для этих ребят временное решение тех проблем, с которыми они сталкивались в школьной среде, где к ним подходили с завышенными мерками.

Оценка теории аномии. Теория аномии Мертсона акцентирует внимание на тех процессах установления признанных культурных целей и средств, посредством которых общество инициирует девиантное поведение. В частности, с помощью этой теории можно раскрыть суть и причины преступлений, связанных с деньгами, совершенных на почве наживы и

алчности, преступлений в среде “белых воротничков” и корпоративных преступлений, преступлений “поджигателей войны” и преступлений представителей властных структур и тех, кто стремится к власти.

Однако критики теории Мертона указывают, во-первых, что он упускает из виду процессы социального взаимодействия, посредством которых люди формируют свои представления о мире и планируют свои поступки. Мертон описывает нарушителей социальных норм как индивидуалистов – людей преимущественно самодостаточных, вырабатывающих для себя решения по выходу из стрессовых ситуаций без учета поступков окружающих. Во-вторых, не всякое девиантное поведение можно объяснить разрывом между целями и средствами. Мертон рисует картину американского общества, в котором, по его мнению, существует консенсус между базовыми ценностями и целями. Но его критики утверждают, что американскому обществу с множеством субкультур свойствен плюрализм. Жизнь американского общества дает множество примеров, когда девиантное поведение индивида можно объяснить неприемлемостью для него некоторых норм, носящих преобладающий характер в большинстве групп населения. Так, индейцы нарушают законы охоты и рыбалки; представители некоторых этнических меньшинств заключают общие браки; выходцы из южных сельских местностей увлекаются петушиными боями; некоторые группы населения изготавливают самогон; подростки употребляют наркотики.

Теория культурного переноса

Ряд социологов подчеркивает сходство между способом выработки девиантного поведения и способом выработки любого другого стиля поведения. Одним из первых к такому выводу пришел французский социолог Габриэль Тард (1843-1904), еще в конце XIX в. сформулировавший *теорию подражания* для объяснения девиантного поведения. Работая окружным мировым судьей и директором отдела криминальной статистики, он убедился, что повторение в человеческом поведении играет значимую роль. Тард утверждал, что преступники, как и “порядочные” люди, имитируют поведение тех индивидов, с которыми они встречались в жизни, которых знали или о которых слышали. Но в отличие от законопослушных граждан они имитируют поведение преступников.

В 1920-1930-е гг., социологи Чикагского университета, пытаясь объяснить высокий уровень преступности в ряде районов Чикаго, провели ряд исследований, в результате которых обнаружили, что в отдельных кварталах города уровни преступности оставались стабильными в течение многих лет, несмотря на изменения в этническом составе населения. Ученые сделали вывод, что криминальное поведение может передаваться от одного поколения к другому, т.е. молодежь, живущая в зонах высокой преступности, усваивает преступные модели поведения. Более того, когда в эти районы въезжают представители других этнических групп, их детям девиантные модели поведения передаются от местной молодежи.

Иначе говоря, молодые люди становятся правонарушителями, потому что общаются и заводят дружбу с теми подростками, у которых криминальные модели поведения уже укоренились.

Эдвин Г. Сазерленд, используя выводы чикагских социологов, разработал теорию *дифференциальной ассоциации*, которая базируется на идеях символического интеракционизма и подчеркивает роль социального взаимодействия в процессе формирования взглядов и поступков людей. Согласно Сазерленду, индивиды становятся правонарушителями в той степени, в какой они принадлежат окружению, следующему

девиантным идеям, мотивировкам и методам. Такие индивиды могут научиться употреблять и доставать запрещенные наркотические средства или воровать, а потом сбывать краденое. Чем раньше начнутся контакты индивида с криминогенным окружением, чем чаще, интенсивнее и длительнее будут эти контакты, тем выше вероятность того, что такой индивид тоже станет правонарушителем. Но в этом процессе задействовано не одно простое подражание. Девиантное поведение приобретается на основе не только подражания, но и научения; очень многое зависит от того, чему именно и от кого учатся индивиды.

Теория дифференциальной ассоциации подтверждает правильность старинной поговорки: “Из хороших компаний выходят хорошие парни, а из дурных – плохие”. Когда родители переезжают на новое место, “чтобы увести Майка от его дружков-хулиганов”, они, не осознавая того, используют принцип дифференциальной ассоциации. Этому же принципу следуют охранники в тюрьме, старающиеся ограничить общение заключенных, за которыми они надзирают. Согласно этому же принципу, тюремное заключение может привести к явно отрицательным последствиям, если поместить юных правонарушителей в одну камеру с закоренелыми преступниками.

Использование теории культурного переноса. В плюралистических обществах, где сосуществует множество субкультур, у различных групп населения могут быть различные взгляды и мотивировки поведения. Социолог Вальтер Б. Миллер, основываясь на этом принципе, провел исследование девиантного поведения в среде молодежи из низших социальных слоев. Он определял их поведение как адаптацию к культурным образцам, приобретенным такими людьми в процессе их социализации в гетто и внутригородской среде. Культура низших слоев, по Миллеру, придает огромное значение ряду таких “первостепенных” принципов, как нарушение общественного спокойствия (приветствуются стычки с полицейскими, школьным начальством, социальными работниками и прочими официальными представителями власти); доказательство своей “крутизны” (наличие физической силы и умение побеждать в драке); наглость (способность перехитрить, надуть, оставить в дураках других людей); азарт (поиск острых ощущений, стремление к риску, игра с опасностью); судьба (вера в то, что большинство важнейших событий в жизни не поддается контролю, что миром правят случай и судьба); автономия (желание освободиться от внешнего контроля и принуждения). Хотя все эти принципы не являются внутренне или обязательно преступными, следование им создает ситуации, в которых высока вероятность использования моделей поведения, носящих противозаконный характер. Так, желание выглядеть “крутым” влечет за собой словесные оскорбления других и физическое насилие над ними, а стремление к острым ощущениям может привести индивида, например, к угону автомобиля.

Оценка теории культурного переноса. Итак, теория культурного переноса показывает, что социально порицаемое поведение может вызываться теми же процессами социализации, что и социально одобряемое. Эта теория позволяет понять, почему количество случаев девиантного поведения изменяется от группы к группе и от общества к обществу. Однако с ее помощью нельзя объяснить некоторые формы девиантного поведения, особенно тех правонарушителей, которые не могли заимствовать у других ни способы, ни подходящие дефиниции и взгляды. Примерами этого могут служить злостные нарушители финансовых соглашений; наивные изготовители фальшивых чеков; люди, случайно нарушившие закон; непрофессиональные магазинные воришки; люди, совершающие преступления “на почве любви”. Индивиды могут попадать в одни и те же ситуации, но воспринимать их по-разному, с различными результатами.

Теория конфликта

Сторонники теории культурного переноса подчеркивают, что для индивидов, принадлежащих к различным субкультурам, характерны несколько различающиеся модели поведения, поскольку процесс их социализации базируется на различных традициях. Приверженцы теории конфликта согласны с этим положением, но пытаются ответить на вопрос: “Какая социальная группа сумеет выразить свои принципы в законах общества и заставить членов общества подчиняться этим законам?” Поскольку институциональный порядок вызывает столкновение интересов основных групп – классов, полов, расовых и этнических групп, организаций бизнеса, профсоюзов и т.п., возникает еще один вопрос: “Кто получает львиную долю преимуществ от конкретной социальной системы?” Или другими словами: “Почему структура общества дает преимущества одним социальным группам, а другие группы остаются в невыгодном положении и даже клеймятся как преступающие закон?”

Хотя в последние десятилетия появилось множество новых направлений конфликтологического подхода к проблеме девиации, его происхождение восходит к марксистской традиции (см. гл. 1). Согласно ортодоксальной марксистской теории, правящий класс капиталистов эксплуатирует и грабит народные массы и при этом ухитряется избежать возмездия за свои преступления. Трудящиеся – жертвы капиталистического угнетения – в своей борьбе за выживание вынуждены совершать поступки, которые правящий класс клеймит как преступные. Другие типы девиантного поведения – алкоголизм, злоупотребление наркотиками, насилие в семье, сексуальная распущенность и проституция – являются продуктами моральной деградации, основанной на беспринципной погоне за наживой и угнетении бедняков, женщин, представителей этнических меньшинств. Психологические и эмоциональные проблемы объясняются отчуждением людей от средств производства, с помощью которых они добывают себе средства к жизни, т.е. от самого базиса своего существования.

Класс, государство и преступление. Современный марксистский подход к проблеме девиации сформулировал американский социолог Ричард Квинни. Согласно Квинни, правовая система США отражает интересы и идеологию правящего капиталистического класса. Закон объявляет нелегальными некоторые поступки, оскорбляющие мораль властей предрержащих и представляющие угрозу для их привилегий и собственности:

“Закон есть инструмент правящего класса. Криминальное право, в частности, есть средство, созданное и используемое правящим классом для сохранения существующего порядка. В Соединенных Штатах государство – и его правовая система – существуют для защиты и поддержания капиталистических интересов правящего класса”.

Для того чтобы “понимать природу преступления, необходимо понимать развитие политической экономики в капиталистическом обществе”. Но если государство служит интересам капиталистического класса, то и преступление в конечном итоге представляет собой классово-обусловленный политический акт, заложенный в структуру капиталистической социальной системы.

Капитализм в попытке выстоять во внутренних конфликтах, подтачивающих его основы, совершает преступления власти. “Одно из противоречий капитализма состоит в том, что некоторые из его законов должны нарушаться для обеспечения безопасности существующей системы”. Здесь в первую очередь следует назвать преступления, совершаемые корпорациями, – от установления фиксированных цен до загрязнения

окружающей среды. В противоположность таким преступлениям многие криминальные проступки обычных людей или нарушения прав собственности – карманные кражи, кражи со взломом, грабежи, торговля наркотиками и т.п.– “совершаются из необходимости выжить” в условиях капиталистической социальной системы. Преступления против личности – убийства, оскорбления действием, изнасилования “совершаются людьми, уже ожесточенными условиями жизни в капиталистическом обществе”. Есть еще вид преступлений, которые Квинни определяет как акт сопротивления власти: когда рабочие саботируют, не выполняют свои обязанности, протестуя таким образом против своих работодателей. В целом, по Квинни, преступление присуще капиталистической системе. Когда общество создает социальные проблемы и не может справиться с ними естественным образом, оно придумывает и вводит политику контроля за населением. Следовательно, преступление и уголовное правосудие составляют неотъемлемую часть более крупных проблем исторического развития капитализма.

Использование теории конфликта. Теория конфликта побудила социологов к изучению влияния интересов правящего класса на составление и исполнение законов. Многие социологи отмечают, что преступление определяется в основном в терминах ущерба, нанесенного собственности (кража со взломом, грабеж, угон автомобилей, вандализм), в то время как корпоративные преступления как бы остаются в тени. Более того, наказание за преступления против собственности – тюремное заключение, а наиболее общепринятой формой наказания за правонарушения в сфере бизнеса является денежный штраф. Американский социолог Амитаи Етциони обнаружил, что в 1975-1984 гг. 62% крупнейших корпораций США были замешаны в одной незаконной операции или более; 42% – в двух и более, а 15% – в пяти и более. Нарушения состояли в фиксации цен и назначении завышенных цен, подкупе местных и зарубежных должностных лиц, мошенничестве и обмане, нарушении патентных прав. Однако в отличие от воров и мошенников корпорации и их должностные лица не несут уголовной или иной ответственности. И если ФБР ведет дело по каждому факту убийства, изнасилования, оскорбления действием и угона автомобиля, зарегистрированному в США, то ни одно государственное агентство не ведет регистрацию преступлений, совершенных корпорациями.

Оценка теории конфликта. В теории конфликта многое справедливо. Совершенно очевидно, что составляют законы и обеспечивают их исполнение облеченные властью индивиды и социальные группы. Вследствие этого законы не являются нейтральными, но служат интересам определенной социальной группы и выражают основные ее ценности. Однако, во-первых, по мнению критиков теории конфликта, подобные интуитивные догадки не удовлетворяют требованиям научного исследования. Например, по словам социолога Стентона Уилера, разработка теории конфликта и повторное открытие Маркса задали новое направление нашему пониманию девиации, но создается “сильное впечатление, что все эти достижения являются не более чем риторическими”.

Многие формулировки конфликтологов требуют уточнения. Так, не всегда ясно, какие конкретно индивиды или группы подразумеваются, когда говорится о “правящей элите”, “правящих классах” и “интересах властей предрержащих”. Во-вторых, теория конфликта нуждается в проверке. Например, Уильям Дж. Шамблисс и Роберт Сидмен утверждают: “Самые суровые санкции, как правило, налагаются на людей низших социальных классов”. Однако результаты исследований не всегда согласуются с этим утверждением: одни исследования обнаруживают незначительную связь между статусом нарушителей закона и назначенным им наказанием или полное ее отсутствие; в других исследованиях эта взаимосвязь четко прослеживается; некоторые исследования показывают, что эта взаимосвязь зависит от конкретных обстоятельств. И хотя корпорации часто стремятся

оказывать влияние на правосудие и государственную политику, их интересы не обязательно доминируют над интересами остальных групп. Совершенно очевидно, что необходимы дополнительные исследования. Посылки теории конфликта не могут быть приняты на веру без строгих научных исследований.

Теория стигматизации

Сторонники теории стигматизации (от греч. stigma – клеймо) взяли за основу главную идею конфликтологии, согласно которой индивиды часто не могут поладить друг с другом, так как расходятся в своих интересах и взглядах на жизнь; при этом те, кто стоят у власти, имеют возможность выражать свои взгляды и принципы в нормах, управляющих институциональной жизнью, и с успехом навешивают отрицательные ярлыки на нарушителей этих норм. Их интересует процесс, в результате которого отдельные индивиды получают клеймо девиантов, начинают рассматривать свое поведение как девиантное.

Приверженцы теории стигматизации Эдвин Лемерт, Говард Бекер и Кай Эриксон утверждают, что, во-первых, ни один поступок сам по себе не является криминальным или некриминальным по сути. “Отрицательность” поступка обусловлена не его внутренним содержанием, а тем, как окружающие оценивают такой поступок и реагируют на него. Отклонение всегда есть предмет социального определения.

Во-вторых, всем людям свойственно девиантное поведение, связанное с нарушением каких-то норм. Сторонники данной теории отрицают популярную идею о том, что людей можно разделить на нормальных и имеющих какие-то патологии. Например, некоторые превышают скорость езды, совершают кражи в магазинах, мошенничают с выполнением домашнего задания, скрывают доходы от налоговой инспекции, напиваются, участвуют в актах вандализма в честь победы любимой футбольной команды, нарушают права частной собственности или без спроса раскатывают в машине своего приятеля. Сторонники теории стигматизации называют такие действия *первичной девиацией*, определяя ее как *поведение, нарушающее социальные нормы, но обычно ускользающее от внимания правоохранительных органов.*

В-третьих, будут ли конкретные поступки людей рассматриваться как девиантные, зависит от того, что делают эти люди, и от того, как реагируют на это другие люди, т.е. эта оценка зависит от того, каким правилам предпочтет строго следовать общество, в каких ситуациях и в отношении каких людей. Не всех, кто превысил скорость езды, совершил магазинную кражу, утаил доходы, нарушил права частной собственности и т.п., осуждают. Так, в США чернокожих могут осудить за поступки, позволительные для белых; а женщин – за поступки, позволительные для мужчин; некоторых могут осудить за те же поступки, что безнаказанно совершают их друзья; поведение отдельных людей может быть осуждено как девиантное, хотя оно не нарушает никаких норм, просто потому, что огульно обвинили в таких поступках, каких они, возможно, никогда не совершали (например, человек выглядит “женоподобным” и на него навешивается ярлык гомосексуалиста). Особое значение имеет социальное окружение и то, клеймит оно конкретного индивида как нарушителя норм или нет.

В-четвертых, навешивание ярлыков на людей влечет определенные последствия для таких людей. Оно создает условия, ведущие к *вторичной девиации* – *девиантному поведению, вырабатываемому у индивида в ответ на санкции со стороны других.* Приверженцы теории стигматизации утверждают, что такое новое отклонение от нормы инициируется

враждебными реакциями со стороны законодательных органов и законопослушных граждан. Индивид получает публичное определение, которое возводится в стереотип, и объявляется правонарушителем, “чокнутым”, фальшивомонетчиком, насильником, наркоманом, бездельником, извращенцем или преступником. Ярлык способствует закреплению индивида в статусе аутсайдера (“человека не нашего круга”). Подобный “главный” статус подавляет все прочие статусы индивида в формировании его социального опыта и в результате играет роль самореализующегося пророчества. Нарушители норм начинают воспринимать свой статус как конкретный тип девиантности и формировать на основе этого статуса собственную жизнь.

В-пятых, те, кто получил клеймо правонарушителей, обычно обнаруживают, что законопослушные граждане осуждают их и не хотят “иметь с ними дела”; от них могут отвернуться друзья и родные; в некоторых случаях их могут заключить в тюрьму или поместить в больницу для душевнобольных. Всеобщее осуждение и изоляция подтолкнув стигматизированных индивидов к девиантным группам, состоящим из людей, судьба которых похожа на их собственную. Участие в девиантной субкультуре – это способ справиться с критической ситуацией, найти эмоциональную поддержку и окружение, где тебя принимают таким, какой ты есть. В свою очередь вступление в подобную девиантную группу укрепляет у индивида представление о себе как о правонарушителе, способствует выработке девиантного жизненного стиля и ослабляет связи с законопослушным окружением.

Итак, согласно теории стигматизации, девиация определяется не самим поведением, а реакцией общества на такое поведение. Когда поведение людей рассматривается как отступающее от принятых норм, это дает толчок ряду социальных реакций. Другие определяют, оценивают поведение и “навешивают” на него определенный ярлык. Нарушитель норм начинает согласовывать свои дальнейшие поступки с такими ярлыками. Во многих случаях у индивида вырабатывается самопредставление, совпадающее с этим ярлыком, в результате чего он способен вступить на путь девиации.

Оценка теории стигматизации. Теория стигматизации, не концентрируя внимания на причинах совершения девиантных поступков, помогает понять, почему один и тот же поступок может рассматриваться как девиантный или нет, в зависимости от ситуации и характеристик индивида, о котором идет речь. Многие сторонники теории стигматизации обратились к положениям теории конфликта, в первую очередь к существующему в обществе неравенству, чтобы понять, что является основой структуры социальных институтов, как составляются и проводятся в жизнь законы.

У теории стигматизации есть свои критики. Во-первых, хотя теория стигматизации позволяет понять, как индивиды становятся “профессиональными” нормоотступниками, она не показывает, какие исходные факторы вызвали девиантное поведение. Действительно, при многих формах девиации именно условия жизни несут ответственность за навешивание ярлыков на таких людей. Так, представляется очевидным, что огромное большинство людей, помещаемых в лечебницы для душевнобольных, испытывают острые нарушения, связанные с внутренними психологическими или невралгическими патологиями. Их смятение и страдания невозможно объяснить исключительно за счет реакции других людей. Тем не менее большое количество фактов позволяет предположить, что профессиональные психиатры провоцируют социальное проявление душевных заболеваний путем применения систем стигматизации, а не просто “обнаруживают” внутренние патологии или душевные болезни. Ярлыки также играют важную роль в формировании представления о бывших

пациентах лечебниц для душевнобольных у прочих членов общества, да и у самих бывших пациентов.

Во-вторых, девиацию невозможно понять в отрыве от социальных норм. Если поведение не является девиантным до тех пор, пока оно не получило подобную оценку, то как тогда классифицировать такие тайные и оставшиеся нераскрытыми преступления, как растрата казенных денег, неуплата налогов или тайное сексуальное насилие? Более того, многие преступники ведут подобный образ жизни, будучи убеждены, что преступление “окупается”. Одно исследование выявило, что треть преступлений против частной собственности совершается из убежденности преступников в том, что таким образом они смогут получить гораздо больше, чем путем честной, законной работы, а еще треть преступлений совершают безработные.

Таким образом, ни одна социологическая теория не способна дать полного объяснения девиантному поведению. Каждая высвечивает какой-то один важный источник отклонения поведения от нормы. А девиантное поведение может принимать множество форм. Поэтому следует тщательно анализировать каждую форму девиации для определения задействованных в ней специфических факторов.

§ 5.3. ПРЕСТУПЛЕНИЕ И СИСТЕМА ПРАВОСУДИЯ

Система правоохранительных органов

Закон является ключевым элементом социального контроля в современных обществах. В отличие от неформальных норм, таких, как народные обычаи и моральные устои, законы представляют собой нормативные акты высшего органа государственной власти, принятые в законодательном порядке. *Преступление – форма девиантного поведения, достигшего степени социальной опасности, определяемой уголовным законом.* Поэтому некие действия будут считаться криминальными, если государство сформулирует и признает соответствующую систему законов. Однако общая черта преступлений состоит не в том, что они обязательно являются актами, которые человек оценивает как безнравственные или порочные. Например, многие россияне считают сокрытие доходов от налоговой инспекции не большим злом, чем их отцы и деды считали приобретение и продажу подпольно изготовленных спиртных напитков. Отличительной чертой преступления можно назвать то, что индивиды, нарушающие закон, могут быть арестованы, судимы, объявлены виновными и лишены свободы, имущества и даже жизни, они с большой вероятностью могут стать подопечными сложной социальной системы уголовного правосудия – органов “быстрого реагирования”, включающих в себя милицию, прокуратуру, суды и тюрьмы.

Практически каждый россиянин смотрел хоть один телевизионный криминальный сериал. Сценарий большинства из них неизбежно сводится к следующему: совершено серьезное преступление; герой сериала – полицейский или детектив – изучает улики и находит подозреваемых; прокурор предъявляет им обвинения; судья и присяжные выполняют свой долг; преступников препровождают в тюрьму. Однако в реальной жизни часто складывается иная картина.

Например, согласно статистическим данным Бюро юстиции США, из каждых 100 уголовных преступлений, совершаемых в этой стране, в полицию сообщается только о 33. Из этих 33 только шесть преступлений раскрываются, завершаясь арестом подозреваемого. Из этих шести арестованных только против троих возбуждается судебное

дело и выносятся судебное заключение. Из этих троих в тюрьму отправляют только одного; два других случая отклоняются по причине проблем с доказательствами или свидетелями, или же вместо тюрьмы обвиняемые попадают в лечебные заведения. Из тех преступников, которых отправляют в тюрьму, более половины получают по приговору не менее пяти лет. Однако в среднем заключенный освобождается примерно через два года. (Vander Z.J.W. Sociology: the core. 2 ed. N.Y.: McGraw-Hill Publishing Company, 1990. P. 138.)

Милиция в РФ – это система государственных органов исполнительной власти, призванная защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан от преступных и иных противоправных посягательств и наделенная правом применения мер принуждения. Милиция должна обеспечивать личную безопасность граждан; предупреждать и пресекать преступления и административные правонарушения; раскрывать преступления; охранять общественный порядок и обеспечивать общественную безопасность; оказывать помощь в пределах, установленных Законом РФ “О милиции”, гражданам, должностным лицам, предприятиям, учреждениям, организациям и общественным объединениям в осуществлении их законных прав и интересов. Деятельность милиции строится в соответствии с принципами законности, гуманизма, уважения прав человека, гласности. Милиция решает стоящие перед ней задачи во взаимодействии с другими государственными органами, общественными объединениями, трудовыми коллективами и гражданами.

Милиция в России подразделяется на криминальную милицию и милицию общественной безопасности (местную милицию). Основными задачами криминальной милиции являются предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, по делам о которых обязательны производство предварительного следствия, Организация и осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения уголовного наказания, без вести пропавших и иных лиц в случаях, предусмотренных законодательством. В состав криминальной милиции входят оперативно-розыскные, научно-технические и иные подразделения, необходимые для решения стоящих перед ней задач и оказания помощи милиции общественной безопасности.

Основные задачи милиции общественной безопасности состоят в обеспечении личной безопасности граждан, охране общественного порядка, предупреждении и пресечении преступлений и административных правонарушений, раскрытии преступлений, по которым производство предварительного следствия не обязательно, оказании в пределах компетенции помощи гражданам, должностным лицам, предприятиям, учреждениям, организациям и общественным объединениям.

Прокуратура РФ – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за исполнением действующих на ее территории законов. Прокуратура устанавливает и принимает меры к устранению любых нарушений законов, от кого бы они ни исходили. Одной из основных функций прокуратуры является надзор за исполнением законов всеми органами власти, должностными лицами; за соответствием законам издаваемых правовых актов; за соблюдением прав и свобод человека и гражданина всеми органами власти, должностными лицами, юридическими лицами, общественными объединениями; за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие; за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и

заключенных под стражу. Для осуществления надзора за исполнением законов прокурор вправе требовать от руководителей и других должностных лиц предоставления необходимых документов, материалов; проверять исполнение законов в связи с заявлениями и иными сведениями о фактах правонарушений; вызывать должностных лиц и граждан для объяснений по поводу нарушений законов.

В качестве отдельного направления надзорной деятельности прокуратуры специально выделены следующие полномочия прокурора при исполнении надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина: рассмотрение и проверка заявлений, жалоб, иных сообщений о нарушении прав и свобод человека и гражданина; принятие мер по предупреждению и пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина, привлечение к ответственности лиц, нарушивших закон; разъяснение пострадавшим порядка защиты их прав и свобод; при наличии оснований полагать, что нарушение прав и свобод человека и гражданина имеет характер преступления, прокурор возбуждает уголовное дело и принимает меры к тому, чтобы лица, его совершившие, были подвергнуты уголовному преследованию в соответствии с законом.

Особая функция прокуратуры – участие в рассмотрении дел судами. Обладая большими процессуальными правами, прокуратура поддерживает, осуществляет функцию государственного обвинения, выступает участником гражданского судопроизводства, предъявляя иск в защиту заинтересованных лиц. При незаконных и необоснованных судебных решениях органы прокуратуры вправе приносить в вышестоящий суд кассационный или частный протест.

Прокуратура осуществляет также функцию расследования преступлений. Наиболее опасные и сложные преступления (убийство, изнасилование, преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина и пр.) относятся к исключительной подсудственности прокуратуры. Функции, полномочия и другие вопросы деятельности органов прокуратуры четко и детально урегулированы в Федеральном законе “О прокуратуре”.

Суды. Судебная система Российской Федерации состоит из трех ветвей: Конституционный Суд Российской Федерации и конституционные суды в 21 республике; суды общей юрисдикции, осуществляющие уголовное, гражданское, административное и иные виды судопроизводства; арбитражные суды.

Основная задача конституционных судов заключается в проверке на соответствие Конституции РФ актов органов публичной власти, прав и свобод объединений, человека и гражданина. Они также решают споры о компетенции, дают толкование статей Конституции, проверяют конституционность законов, выступают с законодательной инициативой и т.п.

К судам общей юрисдикции относятся: районные (городские) суды, суды субъектов Федерации, военные суды. В соответствии с Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. “О судебной системе в Российской Федерации” вводится институт мировых судей, которые будут избираться населением и рассматривать подавляющее большинство дел об административных правонарушениях, гражданских и определенную часть уголовных дел по преступлениям небольшой тяжести. Систему судов общей юрисдикции возглавляет Верховный Суд РФ, который рассматривает дела наибольшей сложности и особой важности, проверяет обоснованность и законность решений нижестоящих инстанций. Верховные суды есть во всех республиках Российской Федерации.

Арбитражные суды рассматривают споры в сфере экономики, управления, о банкротстве и т.п. Нижним звеном в системе арбитражных судов являются арбитражные суды субъектов Федерации. Над ними находятся федеральные окружные суды и Высший Арбитражный Суд РФ.

Судьи независимы и подчиняются только Конституции, федеральным законам. Они несменяемы, неприкосновенны. Суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа закону, принимает решение о его изменении в соответствии с законом. Верховенство закона абсолютно на всей территории РФ.

Чтобы обеспечить самостоятельность и независимость судов, согласно Конституции, их финансирование производится только из федерального бюджета и должно давать возможность осуществления полного и независимого правосудия в соответствии с законом.

Система уголовного правосудия в России основывается на принципе презумпции невиновности. Обвиняемый – ответчик – считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в суде представителем государства – прокурором. Во многих государствах опрос свидетелей ведут судьи и вопрос вины или невиновности обвиняемого решает судья или судебная коллегия. Так, американская система правосудия исходит из предположения, что отправление правосудия будет более справедливым, если два противостоящих друг другу юриста – обвинитель и защитник – ведут спор перед лицом независимого судьи и присяжных. В России также начинают вводиться суды присяжных.

Тюрьмы. Российские тюрьмы варьируются от грязных, напоминающих неприступные крепости исправительных заведений, построенных еще до 1917 г., до сверхсовременных мест заключения. “Население” тюрем растет быстрее, чем площади, предназначенные для их вмещения. Большинство тюрем переполнено, во многих случаях в камерах, рассчитанных на одного человека, сидят по двое или даже трое заключенных. Далее в этой главе мы подробнее рассмотрим влияние тюремного заключения на людей.

Преступление

Преступление – виновное, противоправное, общественно опасное уголовно наказуемое деяние, наиболее опасный и тяжелый вид нарушения норм права. Преступление наносит личности, обществу, государству большой урон, поскольку посягает на наиболее значимые интересы, охраняемые уголовным законом. Перечень преступных деяний, данный в Уголовном кодексе Российской Федерации, вступившем в действие 1 января 1997 г., является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию.

Предметом преступления не могут быть мысли, настроения, побуждения, внутренний мир человека в целом. Таковым является поведение человека, основанное на духовных качествах индивида. Но эти духовные основания в уголовном праве рассматриваются в единстве с действиями. Только активное действие или пассивное бездействие как проявление поведения человека может рассматриваться как преступление. В ст. 14 УК РФ “Понятие преступления” преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние. Не является преступлением действие (бездействие), формально содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. В основе каждой из двух форм преступного поведения – действия и бездействия – сознание и воля человека. Если индивид действует против своей воли, не контролирует совершенное действие, то

такое действие не может служить основанием привлечения его к уголовной ответственности. Действие как одна из форм преступного поведения имеет сложный характер и выражается в уголовном законе понятиями “участие”, “злоупотребление”, “хищение”, “уклонение” и т.д.

Под *общественной опасностью* понимают объективное свойство деяний, влекущих ущерб, вредные, запрещенные действия, негативно сказывающиеся на содержании общественных отношений. Общественная опасность деяния определяется многими критериями: количественным, качественным, мотивационным и др. Например, размер ущерба, нанесенного преступлением, его характер, способ совершения преступления (насилие или ненасилие, группа лиц или отдельный индивид и т.п.), мотив побуждения, время и обстановка совершения деяний (мирное или военное время, чрезвычайное положение и т.п.) – определители общественно опасного деяния. В целом характер общественной опасности является качественной составляющей преступления, а степень ее – количественным показателем, который позволяет дифференцировать преступления на простые, с отягчающими и со смягчающими обстоятельствами. Кроме того, разделяют степень общественной опасности самого действия и степень опасности личности. Эти понятия могут не совпадать, но степень опасности личности дополняет, усиливает степень общественной опасности. При решении вопросов об уголовной ответственности принципом является приоритет деяния уголовного права, а не личность преступника. Если лицо или совершенное им деяние перестало быть общественно опасным, то это лицо может быть освобождено от уголовной ответственности.

Классификация преступлений производится в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния. По этому критерию преступления подразделяются на преступления небольшой тяжести (умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает двух лет лишения свободы), преступления средней тяжести (умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает пяти лет лишения свободы), тяжкие преступления (умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание) и особо тяжкие преступления.

Организованная преступность – крупные криминальные организации, построенные по бюрократическому принципу и поставляющие обществу нелегальные товары и услуги. Такая форма преступности обычно возникает, когда государство объявляет преступными определенные виды деятельности – проституцию, наркоторговлю, порнографию, биржевые спекуляции, ростовщичество, в которых заинтересованы многие граждане и за которые они готовы платить. На Западе организованная преступная деятельность в основном осуществлялась сицилийско-итальянским “синдикатом”, получившим название “мафия” или “коза ностра”. Эту группировку можно представить в виде обширной системы или конфедерации региональных группировок, координируемых “комитетом”, состоящим из глав наиболее влиятельных преступных “семей”. Мафия создала всеобъемлющую систему политической коррупции, применяет методы насилия и давления в борьбе с соперниками и “ренегатами”. Мафия нажила огромные состояния на торговле наркотиками и биржевых спекуляциях, в индустрии развлечений, в строительстве, грузовых перевозках, торговле автомобилями, вывозе мусора, удалении токсичных отходов, в банковской и страховой деятельности, а также в махинациях с акциями и т.п.

В последние годы в США мафии объявлена беспощадная война, которую выигрывает государство: ряд федеральных судебных процессов выбил из рядов мафии многих

вожаков-“ветеранов”, более молодые члены мафии не столь преданы ее делу, как прежние поколения, а зарубежная конкуренция в торговле наркотиками подорвала экономическую мощь мафии.

Надо сказать, что организованная преступность в США не является монополией выходцев из Италии. Ирландские, еврейские и российские криминальные тузы давно сотрудничают с мафией. В Нью-Йорке и Филадельфии “черные” группировки и мафия сообща управляют биржевыми спекуляциями и наркобизнесом. В Сан-Франциско и Нью-Йорке китайские банды терроризируют торговцев, взимая с них “дань”, и участвуют в биржевых спекуляциях, грабежах, наркобизнесе и проституции. Израильская мафия вымогает деньги в Лос-Анджелесе, а колумбийские и кубинские торговцы наркотиками заполонили Флориду своей “продукцией”.

Насильственные преступления, по УК РФ, включают в себя:

пять категорий преступлений против личности – против жизни и здоровья; против свободы, чести и достоинства личности; против половой неприкосновенности и половой свободы личности; против конституционных прав и свобод человека и гражданина; против семьи и несовершеннолетних;

одиннадцать категорий преступлений против собственности – кража; мошенничество; присвоение или растрата; грабеж; разбой; вымогательство; хищение предметов, имеющих особую ценность; причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием; неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения; умышленное уничтожение или повреждение имущества; уничтожение или повреждение имущества по неосторожности.

Преступление, не имеющее потерпевших, – это преступление, ни одна из сторон которого не может рассматриваться как жертва. К числу подобных преступлений на Западе (в первую очередь в США) относят спекуляции на бирже, продажу и использование запрещенных наркотиков, а также запрещенные сексуальные отношения между взрослыми людьми по их обоюдному согласию (например, проституция, а в некоторых американских штатах к ним относят гомосексуальные отношения). Обычно жертва преступления, страдающая в результате криминальных действий, легко идентифицируется. Однако в преступлении без потерпевших поведение объявляется преступным, поскольку общество или властные структуры определяют такое поведение как безнравственное.

В последнее время в мире началось движение за декриминализацию многих видов преступлений без жертв. Защитники подобной точки зрения утверждают, что, во-первых, раскрытие подобных преступлений требует огромного количества времени и денег и тормозит деятельность правоохранительной системы. Во-вторых, когда товары и услуги, которыми интересуются многие люди и за которые готовы платить, объявляются вне закона, почти неизбежно возникает и развивается “черный рынок”, обслуживаемый организованными преступными группировками. В-третьих, преступления без потерпевших часто связываются с коррумпированностью полицейских чиновников и других представителей системы уголовного правосудия, взимающих “дань” и получающих взятки от нелегальных поставщиков и дельцов. В-четвертых, преступления без потерпевших включают в себя поступки, являющиеся личным делом конкретных индивидов, и поэтому не должны касаться государства или других лиц.

Противники декриминализации в свою очередь утверждают, что некоторые поступки “изначально дурны” и негативная общественная реакция на них обоснованна точно так же, как и реакция на изнасилование, кражу, убийство, инцест. Таким образом, относительно определения, что является отклонением от нормы, а что преступлением, далеко не все люди могут прийти к согласию и принять некий универсальный стандарт. Напротив, соперничающие группы стремятся достичь поддержки своих моральных норм и убеждений со стороны государства.

Наркотики и преступность

Большая часть преступлений совершается теми, кто употребляет запрещенные наркотические средства. Чиновники системы правопорядка, криминологи, социологи пытаются установить взаимосвязь между потреблением наркотиков и преступностью. Если такая взаимосвязь есть, т.е. злоупотребление наркотиками – причина повышения уровня “уличных преступлений”, то, возможно, борьба с употреблением наркотиков может оказаться более эффективным методом снижения уровня преступности, чем наводнение тюрем заключенными.

Пристрастие к наркотикам зачастую мотивирует криминальное поведение. Борьбу с наркоманией предлагается вести в трех направлениях: повышать ответственность общества за реабилитацию наркоманов, разъяснять населению опасности употребления наркотиков, выдвигать ориентированные на общественность инициативы по решению проблемы распространения наркотиков. Несмотря на это, ни одна из подобных инициатив не решит проблему преступности и не сможет разорвать взаимосвязь между потреблением наркотиков и преступлениями. Люди принимают наркотики по множеству разных причин, и не все наркоманы обязательно совершают преступления. В самом деле, преступления существовали задолго до того, как наркомания приобрела масштабы национальной эпидемии. Криминальное поведение имеет множество источников, которые невозможно ликвидировать с помощью различных социальных программ. Традиционно юристы рассматривают тюремное заключение как первостепенный механизм искоренения преступлений. Этот подход заслуживает более пристального внимания.

Тюремное заключение

Дискуссия. Многие россияне весьма скептически оценивают программы по борьбе с преступностью и вообще сомневаются в том, что какие-то меры будут эффективными. Даже специалисты не выработали единой позиции относительно этих мер. До сих пор идут жаростные дебаты между сторонниками “жестких” мер, которые требуют более строгих судей и милиционеров, и сторонниками мягких мер, которые, рассматривая преступление как продукт социальных условий, требуют более пристального внимания к работе над “общественными отношениями”, подчеркивая большую важность реабилитационных мер по сравнению с наказаниями. Криминологи и пенологи также не пришли к единому мнению и по этому поводу. Рассмотрим четыре традиционные цели тюремного заключения: наказание, реабилитация, устрашение и избирательное лишение свободы.

Наказание. До XIX в. было распространено мнение, что наказание нарушителей правопорядка необходимо для того, чтобы потерпевшее обиду общество могло испытать чувство морального удовлетворения. Однако в начале XIX в. на первый план вышла идея о том, что в тюрьмах возможна реабилитация преступников. Было придумано слово

“пенитенциарий” (исправительное учреждение тюремного типа) для определения места, где преступник может раскаяться и вернуться к законопослушной жизни.

В последние годы интерес к наказанию возродился, но не как к способу удовлетворения жажды мести, а как к способу восстановления чувства морального порядка и справедливости. Приводятся следующие аргументы: некоторые преступления – убийство, изнасилование, геноцид или сексуальное надругательство над ребенком – являются по своей сути антиобщественными и отвратительными и должны наказываться. Общество ощущает себя оскорбленным, если безнравственное поведение остается безнаказанным. Подобное чувство способно нанести вред социальной системе, поскольку общество оперирует некими подразумеваемыми принципами о существовании справедливости и нормального порядка. Наказание необходимо для сохранения приверженности людей социальному порядку и базовым ценностям и нормам. Ясно, что этот подход основывается на функционалистской теории.

Реабилитация. В течение последних полутора столетий в философии наказаний доминировала концепция реабилитации, основанная на гуманистическом подходе, согласно которому необходимо мягкое отношение к преступникам. При подобном подходе преступление трактуется как “болезнь”, нечто чуждое сущности человека, аномальное. В определении “больного” индивида уже заложена посылка о том, что индивиду нельзя ставить в вину его болезнь и следует направить внимание на его излечение. Сказать: “Это в первую очередь не вина, а беда человека. Он болен”, – означает определить нарушителя законности как жертву, а не как преступника.

Начиная с 1960-х гг. ряд криминологов стали подвергать сомнению предпосылки, лежащие в основе стратегии реабилитации, а в последние годы круг критиков быстро расширился. Критики этой стратегии утверждают, что воспитание и психотерапия не в состоянии преодолеть (или хотя бы ослабить) мощной тенденции, характерной для некоторых индивидов, следовать по преступному пути, о чем свидетельствуют статистические данные о высоком уровне рецидивов в преступлениях. Более того, противники реабилитации стремятся доказать, что реабилитационные усилия приводят лишь к ограниченному снижению преступности, причем только для некоторых типов нарушителей и только в определенных обстоятельствах.

Устрашение. Понятие “устрашение” базируется на некоторых труднодоказуемых предположениях о человеческой природе. Тем не менее социологические исследования, похоже, дают основания предполагать, что неизбежность ареста и наказания действительно приводит к снижению уровня преступности, т.е. производит в некоторых обстоятельствах определенный устрашающий эффект. Но социологов более интересует вопрос определения условий, при которых перспектива наказания оказывает влияние на поведение. Известно, что на поведение человека более сильное воздействие оказывает его принадлежность к определенной группе и приверженность ее нормам, чем угроза общественного наказания. Точно так же неформальные стандарты и давление криминальных субкультур могут оказывать противодействие устрашающим эффектам легального наказания.

Избирательное лишение свободы. Некоторые утверждают, что ни реабилитация, ни устрашение не способны дать реальных результатов, поэтому бесполезно отправлять людей в тюрьму, имея в виду подобные цели. Однако тюремное заключение все-таки способно снижать уровень преступности: если держать “закоренелых” преступников в тюрьме, в изоляции от общества, они лишатся возможности совершать преступления.

Например, американский исследователь Марвин Э. Вольфганг и его коллеги, изучив криминальные досье примерно 10 тыс. молодых людей, родившихся в 1945 г. и проживавших в Филадельфии, обнаружили, что всего около 0,6%, или 60 человек, из всех этих молодых людей ответственны более чем за половину преступлений, совершенных всей группой, в том числе за наиболее серьезные преступления.

Питер Гринвуд попытался выявить индивидов, наиболее склонных к совершению повторных преступлений. Для этого он изучил досье 2200 заключенных, отбывающих тюремные сроки за грабеж или ночную кражу со взломом в Калифорнии, Техасе и Мичигане, акцентируя внимание на следующих характеристиках: тюремное заключение в течение более половины двухлетнего периода, предшествовавшего последнему аресту; прежние судимости за такое же преступление; досье, включающее осуждение в возрасте младше 16 лет; отбывание заключения в местном или федеральном исправительном заведении за совершение преступления в несовершеннолетнем возрасте; употребление героина или барбитуратов до достижения совершеннолетия; потребление наркотиков в течение двух лет, предшествовавших аресту; статус безработного в течение большей части времени, предшествовавшего аресту. В зависимости от наличия определенных черт, субъект характеризуется как имеющий низкую, среднюю или высокую склонность к совершению преступлений. По мнению Гринвуда, заключение в тюрьму одного грабителя, входящего в “верхнюю десятку” склонных к преступной деятельности индивидов, принесет больше пользы и предотвратит больше грабежей, чем заключение 18 преступников с более низкой склонностью к совершению преступлений.(См.: *Vander Z.J.W. Sociology. P. 147.*)

Для избирательного тюремного заключения характерны свои сложности. Во-первых, преступники, промышляющие грабежом и ночными кражами, обычно достаточно рано завершают “свою карьеру”, и долгие годы, проведенные этими людьми в тюрьме, представляются лишней тратой “дефицитного” тюремного пространства. Во-вторых, в демократической стране возникают трудности легального и конституционного порядка, связанные с необходимостью заключения индивида в тюрьму только на базе прогноза о его будущем поведении, а не на основании вердикта суда, вытекающего из совершения реального преступления. В-третьих, результаты прогноза поведения, выполненного психологами и психиатрами на базе криминальных характеристик, оказались ужасающе неточными (в своих прогнозах о насильственных преступлениях они ошибаются по меньшей мере столь же часто, как и не ошибаются). В самом деле, даже по данным самого Гринвуда, только чуть более половины преступников, отнесенных им к высшей категории преступных наклонностей, действительно принадлежат этой категории. Поэтому некоторые социологи приходят к выводу, что, вероятно, большой процент нарушителей закона неизбежен в реальных условиях современной социальной жизни.

Тоталитарные институты

Относительно немногие из нас испытывают на себе действие мощного механизма, который Эрвин Гоффман назвал тоталитарным институтом, обозначив им социальное учреждение, где люди оторваны от остального общества и попадают под почти тотальный контроль должностных лиц, которые этим учреждением управляют. Тоталитарными институтами являются учебные лагеря для новобранцев, тюрьмы, концентрационные лагеря, монастыри, некоторые культовые религиозные организации, некоторые закрытые учебные заведения.

Человек, попадающий в тоталитарное учреждение, сталкивается с *церемонией деградации*, попыткой переделать его личность. С этой целью осуществляют такие процедуры, как снятие отпечатков пальцев, фотографирование, бритье головы, запрет иметь “персональный набор” (драгоценности, особую прическу, любимую одежду, украшения, подчеркивающие индивидуальность). Новичков могут заставить раздеться и подвергнуть осмотру (часто унижительному), после чего им выдают униформу для обозначения нового статуса. (Для заключенных часть церемонии деградации состоит в публичном зачитывании приговора и уводе в наручниках вооруженными охранниками.)

Тоталитарные институты чрезвычайно эффективны в лишении людей личной свободы. Они обеспечивают изоляцию людей (стены, решетки или другие заграждения не только удерживают заключенных внутри помещения, но и не дают войти посторонним); подавляют ранее существовавшие статусы (их обитатели узнают, что их прежние роли супруга, родителя, рабочего или студента ничего не значат и что значение имеет только их нынешняя роль); подавляют нормы “внешнего мира”, заменяя их собственными правилами, ценностями и толкованиями; строго следят за повседневной жизнью находящихся в них людей (прием пищи, сон, туалет, отдых – все регламентировано); контролируют информацию, способствуя формированию у людей определенных идей и особой картины мира. В тоталитарных учреждениях существует система поощрений и наказаний: в условиях лишения сон, телевизионная программа, письмо из дома, дополнительный паек или даже сигарета являются мощными средствами поощрения. За нарушения правил часто наказывают жестоким образом, например, помещая провинившегося в изолятор, одиночную камеру или закрывая глаза на сведения счетов между заключенными.

Ни для одного человека пребывание в тоталитарном учреждении не проходит бесследно, влияя на его восприятие мира. Многие из тех, кто прошел через лагерь новобранцев, рассказывают о них как о самых значительных испытаниях в жизни, а с течением лет, сглаживающих впечатление от царящих там порядков, могут вспоминать о них даже с нежностью. Лагерь для новобранцев жесток, но их пребывание в нем недолго. В отличие от него тюрьма жестока длительное время, и мало кто из бывших заключенных вспоминает о тюрьме с любовью.

Преступность в России

Статистика. В Уголовном кодексе РФ сформулированы следующие принципы уголовного права: законность, равенство граждан перед законом, вина, справедливость, гуманизм. УК РФ основывается на Конституции РФ и общепризнанных принципах и нормах международного права. В соответствии со ст. 8 УК РФ уголовной ответственности подлежит лишь лицо, совершившее деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного УК. В соответствии со ст. 118 Конституции РФ правосудие осуществляется только судом. Согласно ст. 49 Конституции, виновность лица в совершении преступления может быть установлена только вступившим в законную силу приговором суда. Вместе с тем в реализации уголовного закона важное место принадлежит следователю, органу дознания и прокурору. (Наумов А.В. Российское уголовное право. М., 1997.)

В России в 1996 г. было зарегистрировано 2 625 000 преступлений (при этом совершили преступления 1 361 000 мужчин и 257 300 женщин), а 1997 г. – 2 397 300 преступлений (из которых 1 186 100 совершили мужчины, а 186 100 – женщины).

Доля женщин в общей численности осужденных составила в 1995 г.– 11,7%, в 1996 г.– 13,2%, в 1997 г.– 11,7%.(Российский статистический ежегодник: статистический сборник/Госкомстат России. М., 1998.)

К концу 1990-х гг. рецидив преступлений в РФ составлял около 40% – столько осужденных спустя некоторое время вновь совершают преступление.

В соответствии со ст. 56 УК РФ лишение свободы состоит в изоляции осужденного от общества путем направления его в колонию-поселение или помещение в исправительную колонию общего, строгого или особого режима либо в тюрьму. Наиболее суровые условия отбывания лишения свободы – в тюрьме (пока-мерное размещение осужденных, недопущение общения с осужденными, находящимися в других камерах, большие ограничения в материально-бытовых условиях и т.д.).

Оценка криминального фона. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. средние годовые темпы роста криминальной преступности как основного фактора посягательства на безопасность и права населения составляли 4-5%. В 1995 г. уровень преступности увеличился на 20-30%.(Дмитриев А.В., Степанов Е.И., Чумиков А.Н. Российский социум в 1995 году: конфликтологическая экспертиза (I полугодие)//Социологические исследования. 1996. № 1.)

Сегодня преступность представляет наибольшую угрозу стабильности и безопасности общества и личности, так как социальное влияние преступного мира, его давление на общество приводит к деформации ценностных ориентации у граждан, создает предпосылки для воспроизводства закононепослушания, утверждения права сильного и грозит обществу перерождением, ведущим к деградации и социальному регрессу.

По утверждению Криминологической ассоциации России, ежегодно в стране за пределами регистрации в правоохранительных органах остается 7-9 млн. криминалистических деяний, общая результирующая преступности в нашей стране неуклонно растет. Но по данным МВД России, общее количество зарегистрированных преступлений (по годам) имеет тенденцию к снижению. Это видно из данных, представленных в табл. 5.2.

Таблица 5.2. Статистика преступности в России в 1994-1997 гг.

	1994	1995	1996	1997
Число зарегистрированных преступлений (тыс.)				
Всего зарегистрировано преступлений, тыс.	2632,7	2755,7	2625,1	2397,3
из них преступления, связанные с наркотиками, тыс.	74,8	79,9	96,8	185,8

В 1997 г. по России выявлено 374 случая бандитизма, 132 заказных убийства, 1140 случаев похищения людей.

В сфере экономики выявлено 219 тыс. преступлений, 32 тыс.– в крупных и особо крупных размерах.(Российский статистический ежегодник. Официальное издание. М., 1998.)

Проблема роста преступности в мире становится глобальной, общечеловеческой. За 1960-1990 гг. показатель преступности увеличился: в США – в 7,1 раза, во Франции – в 5,1 раза, в Великобритании – в 2,7 раза, в ФРГ – в 2,6 раза, в Японии – в 1,5 раза, в бывшем СССР – в 3,2 раза. (Жигалов Е.А. Экзистенциальный аспект субкультуры преступного мира//Северный Кавказ: борьба с преступностью. Ростов н/Д, 1997.)

Согласно социологическому прогнозу, среднегодовой прирост преступности в России составит 2-5% и более. (Лунеев В.В. Преступность XXI века (методология прогноза)//Социологические исследования. 1996. № 7.)

Незаконный оборот наркотиков в России. В современной России наркомания и паразитирующий на ней наркобизнес достигли социально опасных масштабов. По оценкам специалистов, 1,5 млн. российских граждан потребляют наркотики в немедицинских целях. (Жабский В.А. Криминологическая характеристика наркотизма//Северный Кавказ: борьба с преступностью. Ростов н/Д, 1997.)

На протяжении всех последних лет количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, неуклонно возрастает. Так, в 1994 г. в РФ было выявлено 74 788 преступлений, а в 1995 – уже 79 948, что на 6,9% больше и составило от общего числа 2,9% зарегистрированных преступлений.

Однако официальные статистические данные не отражают реальной ситуации. Особенность преступлений этих составов заключается в том, что они преимущественно не заявляются, а выявляются сотрудниками правоохранительных органов, вследствие чего их латентность очень высока.

По оценкам экспертов, на каждого выявленного потребителя наркотических средств приходится 10-12 невыявленных, занятых приобретением, изготовлением, хранением и перевозкой наркотиков. Если к ним добавить сбытчиков и содержателей притонов, то реальные показатели преступлений, связанных с наркотиками, должны быть на порядок выше. (Двойменный И.А. Незаконный оборот наркотиков//Социологические исследования. 1999. № 5.) Удельный вес данных преступлений в 1996 г. в целом по России составил 3,7%. Органами внутренних дел слабо решаются задачи перекрытия каналов и источников поступления наркотиков в незаконный оборот, их основные усилия направляются на борьбу именно с потребителями, о чем свидетельствует тот факт, что 83,4% всех выявленных преступлений составляют незаконное изготовление, приобретение, хранение и перевозка наркотических средств без цели сбыта, т.е. для личного потребления. В то же время наиболее опасные деяния связаны с распространением наркотиков, вовлечением в их потребление новых лиц, но они занимают очень скромное место в общем массиве выявленных преступлений. Аналогичная картина сложилась и в 1996 г. Выявляемость и без того малой доли (10,2%) наиболее тяжких видов наркоманийной преступности (сбыт наркотиков и содержание притонов) продолжает снижаться (более чем в 2 раза за 9 месяцев 1996 г.). Налицо ослабление активности в деятельности правоохранительных органов и, вероятно, совершенствование приемов и методов действий противоположной стороны.

По данным статистики, число осужденных по приговорам судов за преступления, связанные с наркотиками (по России) составило в 1994 г.– 28,5 тыс. человек; в 1995 г.– 38,6 тыс.; в 1996 г.– 45,7 тыс.; в 1997 г.– 65,3 тыс. человек. (Российский статистический ежегодник. Официальное издание. М., 1998.)

Наркомания неудержимо проникает в молодежную среду. Практически по меньшей мере каждый пятый в возрасте 16-24 лет пробовал наркотические вещества или находился под их воздействием и болезненно зависит от них. Реальный уровень наркотизации значительно выше, чем фиксируется показателями наркологической службы. Хотя большая часть населения осознает личную и социальную опасность употребления наркотиков, сопротивляемость наркотическому процессу ослаблена.

Наркотизации способствуют референтные группы: друзья, знакомые, эпизодически или систематически употребляющие наркотики (по меньшей мере четверть молодых людей считает распространение наркотиков обычным бизнесом); специализированные криминальные группы по изготовлению, транспортировке, хранению и сбыту наркотических препаратов (есть все основания полагать, что сеть этих групп расширяется). Внутренними психологическими мотивами употребления наркотиков являются: потребность в снятии психологического стресса; любопытство; желание испытать необычные ощущения и себя в этих ощущениях.

“Великая криминальная революция”. Это афористичное выражение означает захват собственности в Советском Союзе и постсоветской России криминальными структурами; впервые его использовал кинорежиссер Станислав Говорухин, снявший первый и лучший советский фильм о криминальной группировке “Место встречи изменить нельзя”. Но если Говорухин считает, что “великая криминальная революция” началась с наступлением перестройки, либерализации и приватизации, то журналист Александр Максимов утверждает, что “к середине 80-х гг., когда верхи уже не могли, а низы еще не очень-то и хотели, уже был оформлен, идейно и физически вооружен истинно революционный класс, решивший, что отныне не только “зона”, но и вся страна должна жить по законам зоны. У него уже был свой собственный базис – многомиллионные “общаки”, своя надстройка – воры в законе, “смотрящие”, “бригадиры” и “авторитеты”, свой манифест – “Кодекс воровской чести”. Точка зрения Максимова ближе к действительности, лучше аргументирована, чем представление Говорухина. Формирование базиса относится к 1970-м гг., когда появились первые подпольные цеха, вырабатывавшие “левую” продукцию и получавшие в силу дефицита огромные прибыли. Именно тогда стали подкупать нужных чиновников и сотрудников правоохранительных органов, с той поры воротилы теневого бизнеса начали создавать собственные “крыши”. В 1970-х гг. появилась первая крупная банда рэкетиров, которая паразитировала на подпольных бизнесменах, – банда Монгола. В конце 1970-х гг. в Кисловодске состоялась сходка подпольных воротил всего Советского Союза, принявшая “постановление” отчислять в воровские “общаки” 10% прибыли подпольных коммерсантов в обмен на защиту и помощь в конфликтных ситуациях. Затем кооперативное движение позволило создать первые легальные “крыши” для отмывания преступных капиталов, а после развала Советского Союза криминальные структуры получили огромные возможности для захвата национальной собственности.(См.: *Волков Ю.Г., Поликарпов В.С.* Человек: Энциклопедический словарь. М., 2000. С. 141-142.)